

Трансформация подходов США к безопасности на Южном Кавказе

Комментарий Центра АРВАК, 23.03.2026

Аннотация

АРВАК анализирует инициативу американского конгрессмена Джо Уилсона – законопроект «Акт о противодействии контролю Китая над Кавказом», который знаменует собой переход США к новой, более гибкой стратегии в отношении Грузии. Рассматриваются причины провала «либеральной революции» и утраты влияния Запада в регионе, которые связываются с прагматичной инвестиционной политикой Пекина и усталостью грузинского общества от радикальной повестки. Особое внимание уделяется стратегической значимости маршрута «Срединный путь» и взаимозависимости грузинского и армянского кейсов в контексте безопасности Южного Кавказа. Делается вывод о том, что Вашингтон стремится к восстановлению паритета с РФ и КНР, переходя от конфронтации с Тбилиси к попыткам «мягкого» встраивания Грузии в свою орбиту влияния.

Ключевые слова: геополитика Южного Кавказа, «Грузинская мечта», «Срединный путь» (Middle Corridor), законопроект Джо Уилсона, американо-грузинские отношения, китайская экспансия, региональная безопасность, внешняя политика Армении, российско-китайское влияние.

1. Институционализация новой стратегии США: план Дж. Уилсона

На фоне эскалации напряженности вокруг Ирана «грузинский вопрос» вновь актуализируется в южнокавказской стратегической повестке США. В начале марта член Палаты представителей от Южной Каролины республиканец Джо Уилсон представил в Конгресс законопроект под названием «Акт о противодействии контролю Китая над Кавказом». Документ представляет собой план действий США в отношении Грузии и предусматривает двухступенчатый подход.

1. Аудит и анализ: Госдепартамент США, Агентство национальной безопасности и Пентагон обязаны в течение 6 месяцев провести комплексную оценку масштабов и методов деятельности российских и китайских разведывательных структур в Грузии. На основе полученных данных будет подготовлен отчет с программой контрдействий Вашингтона.

2. Долгосрочное планирование: формирование пятилетней стратегии взаимодействия с Тбилиси, ответственность за которую возлагается на Госдепартамент.

Дж. Уилсон мотивировал необходимость принятия законопроекта угрозой полномасштабной экспансии китайского капитала в Грузии и усилением политического влияния Москвы на Тбилиси, в результате чего западные акторы, в частности США, утрачивают контроль над стратегическим транспортно-энергетическим маршрутом «Срединный путь», связывающим КНР с Европой. По мнению конгрессмена, интересы Москвы и Пекина на грузинском треке полностью совпадают, поэтому они в равной степени поддерживают правительство в Тбилиси, которое свело к минимуму рычаги влияния Запада в этой южнокавказской республике. На слушаниях, посвященных законопроекту, Уилсон охарактеризовал Грузию как точку «слияния двух авторитарных векторов», угрожающих ее суверенитету. Основателя партии «Грузинская мечта» Бидзину Иванишвили он определил как лидера, делегировавшего экономическое будущее страны под контроль Компартии Китая.

2. Деградация западного влияния

Складывается ощущение, что США намерены взять реванш у РФ и КНР после поражения прозападной грузинской оппозиции на парламентских (октябрь 2024 г.), президентских (декабрь 2024 г.) и муниципальных (октябрь 2025 г.) выборах, которые, по оценке Вашингтона, были сфальсифицированы партией власти при помощи российских и китайских союзников. По некоторым сведениям, инициативу Уилсона горячо поддерживает президент Д. Трамп, считающий, что администрация Дж. Байдена занимала пассивную позицию по отношению к внутривнутриполитическим перипетиям в Грузии последних лет, что привело к укреплению российско-китайских позиций в этой стране.

Официальный Вашингтон фактически самоустранился от внутривнутриполитических процессов в Грузии в ноябре 2024 г., когда на фоне протестов оппозиции была заморожена программа стратегического партнерства. Данная мера привела к резкой эрозии политического влияния США на официальный Тбилиси. Возникший институциональный вакуум был оперативно заполнен Пекином, в то время как «Грузинская мечта» нуждалась в международной легитимации и опоре на альтернативный глобальный центр силы.

3. Китайская экономическая экспансия

В последующий период основная нагрузка по поддержке грузинских оппозиционных структур легла на ЕС и Великобританию, которые пытались дестабилизировать ситуацию через аффилированные НПО и ужесточение санкционного режима. Однако усилия европейских акторов оказались недостаточными для коррекции внешнеполитического курса Тбилиси. США участвовали в данных процессах посредством таких организаций, как USAID и NED, однако в определенной мере избегали прямого ассоциирования их деятельности с американским правительством.

В результате усилия ЕС оказались недостаточными для переформатирования внешнеполитического вектора Тбилиси. «Грузинская мечта» успешно использовала в процессе генерации общественных настроений контраст деструктивного поведения европейских стран и прагматичных действий Китая. В то время как Запад фокусировался на требованиях пересмотра законодательства («Закон об иноагентах») и склонял Тбилиси к вовлечению в региональный конфликт, Китай последовательно инвестировал в железнодорожную и портовую инфраструктуру республики, интегрируя ее в логистическую сеть «Срединного пути». Грузинское общество в подавляющем большинстве позитивно восприняло стремление действующей власти к сбалансированной внешней политике, нейтралитету по отношению к украинской проблеме и экономической стабильности, которую обеспечивало стратегическое партнерство с Китаем, не обремененное политическим менторством.

4. Кризис либеральной парадигмы

На этом фоне высокая интенсивность вовлечения Запада во внутреннюю повестку Грузии постепенно вызвала усталость и раздражение в обществе. Согласно экспертным оценкам, радикальная оппозиция утратила кредит доверия вследствие чрезмерной идеологизации, не подкрепленной политическим прагматизмом. Предлагаемый

оппозицией радикальный «разворот на Запад» стал восприниматься гражданами как иррациональная и опасная стратегия, учитывая географическое положение Грузии на линии геополитического разлома.

Социальная апатия в отношении прозападного курса подтвердилась итогами муниципальных выборов в октябре 2025 г., на которых «Грузинская мечта» получила большинство во всех муниципалитетах. Эти результаты фактически зафиксировали поражение попыток «либеральной революции», что привело к маргинализации прозападных политических сил и НПО.

5. Дифференциация подходов: от европейского давления к американскому прагматизму

На этом фоне инициатива конгрессмена Джо Уилсона представляется перезапуском стратегии «с чистого листа». Неслучайно республиканец призывает власти и спецслужбы США к комплексной инвентаризации американских политических, разведывательных и экономических ресурсов в Грузии для определения реальных точек опоры. Законопроект Уилсона, по сути, фиксирует тот факт, что США и их союзники на данном этапе проиграли конкуренцию с КНР и РФ, и для достижения реванша необходима перестройка всей стратегии действий. Требуемая реконфигурация предполагает переход лидерства к США при ассистирующей роли европейских партнеров.

Как сопредседатель Хельсинкской Комиссии США по безопасности и сотрудничеству в Европе («Хельсинкская комиссия») Дж. Уилсон в 2021 г. координировал действия Вашингтона с усилиями Брюсселя и Лондона по принудительному (согласно некоторым оценкам) вовлечению «Грузинской мечты» в орбиту влияния коллективного Запада. Впоследствии он способствовал вовлечению ЕС и Великобритании во внутривнутриполитические процессы южнокавказской республики с целью сместить действующую власть либо путем выборов, либо через «революцию». С учетом этого конгрессмен знаком с опытом действий европейских союзников и партнеров на грузинском внутривнутриполитическом треке и, следовательно, знает о просчетах Брюсселя и Лондона, приведших к провалу планов по смене власти в Тбилиси. В частности, речь идет о жестком подходе европейских стран и институтов в отношении попыток Тбилиси обеспечить комплементарность своей внешней политики, о зачастую недипломатичных методах работы с грузинскими властями с применением политических санкций против Тбилиси и о выступлениях наиболее радикально настроенных европейских политиков на оппозиционных митингах в Грузии. Очевидно, Дж. Уилсон и поддерживающие его инициативу политики в США пришли к выводу, что данные методы лишь усилили раздражение и апатию грузинского общества в отношении Запада и укрепили убежденность «Грузинской мечты» в необходимости дистанцироваться от Европы, заморозив планы по евроинтеграции как минимум на текущем этапе.

6. Реконфигурация двустороннего диалога

Анализ медийного фона позволяет предположить отказ от радикальных методов воздействия на Тбилиси и поиск более умеренной и осторожной тактики действий в Грузии. Даже несмотря на то, что Дж. Уилсон лично назвал основателя и почетного

председателя партии «Грузинская мечта – Демократическая Грузия» Бидзину Иванишвили «диктатором», предложенный им в законопроекте механизм перезагрузки американо-грузинских отношений свидетельствует о намерениях мобилизовать и наращивать многомерное влияние на власть в Тбилиси, но не вести против нее борьбу с прицелом на смещение. Речь идет о восстановлении (по крайней мере, на первом этапе) паритета с российско-китайским влиянием в Грузии, с последующими планами по возврату к модели отношений Вашингтон–Тбилиси времен каденции М. Саакашвили. Это претенциозная задача, однако Дж. Уилсон и поддерживающие его политики как в США, так и в Европе нацелены именно на такой результат, поскольку рассматривают проблему в контексте глобального соперничества Вашингтона и Пекина за ресурсы и торговые пути Евразии.

Симптоматично, что в дни представления законопроекта Дж. Уилсона в Конгрессе и организованных им слушаний Хельсинкской комиссии на тему российско-китайской экспансии в Грузии в Вашингтоне состоялась встреча делегации во главе с председателем парламентского комитета по иностранным делам Грузии Николозом Самхарадзе с заместителем советника по национальной безопасности США Эндрю Бейкером, а также конгрессменом Энди Оггсом. На обеих встречах речь шла о перспективах развития «Срединного пути», партнерстве Грузии с США, ЕС и КНР, евроинтеграции, кибербезопасности и региональной безопасности, а также о возможности перезагрузки американо-грузинского партнерства, которое, по словам Н. Самхарадзе, было заморожено после «*вмешательства Вашингтона и Брюсселя во внутривполитические процессы в Грузии*». По итогам встреч стороны отметили «*позитивные сдвиги в отношениях*» и хорошие перспективы для установления конструктивного взаимодействия.

Встречи и параллельную активизацию конгрессмена Уилсона не следует считать совпадением. Вашингтон на разных уровнях подает сигналы о готовности полной «*перезагрузки*» отношений с Тбилиси, причем с учетом новых реалий в Грузии и требований «Грузинской мечты» перевести вертикальную модель взаимодействия в горизонтальную парадигму.

7. Влияние «грузинского узла» на устойчивость армянского вектора

Вашингтон руководствуется концепцией целостного освоения Южного Кавказа, поскольку этот сложный регион трудно поддается геостратегической проекции при отсутствии равномерного влияния на все его субъекты. Без реабилитации и наращивания своего многопланового присутствия в Грузии США могут потерять ранее приобретенные здесь активы в виде подчеркнута прозападной ориентации нынешней армянской власти, модерации «*мирного армяно-азербайджанского процесса*» и договоренностей по проекту TRIPP. В особенности эти активы оказались под угрозой на фоне неопределенности ситуации вокруг Ирана и приближающихся парламентских выборов в Армении, исход которых сложно спрогнозировать. TRIPP фактически оказался в потенциальной зоне войны, из-за чего значимость грузинских маршрутов «Срединного пути» возрастаеткратно.

С другой стороны, если ситуация во взаимоотношениях США–Грузия и Европа–Грузия будет оставаться патовой, это негативно отразится на возможностях Запада по

поддержке либеральных сил в Ереване, позиции которых ослабли на фоне их шагов по стабилизации отношений с Анкарой и Баку любой ценой. Не исключено, что именно это имел в виду Никол Пашинян, когда в ходе своего выступления 11.03.2026 г. в Европарламенте прямо увязал шансы Еревана на евроинтеграцию с состоянием дел в грузино-европейских отношениях. Очевидно, он прозрачно дал понять: в случае сохранения заморозки отношений с Тбилиси Запад потеряет Ереван, а вместе с ним и весь конструкт региональных отношений, тщательно спроектированный для окончательного выдворения России и ограничения китайской геэкономической экспансии на Южном Кавказе. В сложившихся условиях Вашингтон форсирует возвращение в грузинскую повестку, осознавая критическое сокращение временного ресурса для маневра.